

Чехословацкие легионеры в Симбирске

У железнодорожного моста через Волгу
развернулись упорные бои в сентябре 1918 года

В Ульяновске в рамках Соглашения между правительствами Российской Федерации и Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений от 15 апреля 1999 года планируется установить памятный знак чешским и словацким легионерам, павшим в боях и умершим от ран на территории Симбирской губернии в 1918 году. Часть «доблестных союзников» была захоронена на городском кладбище, что находится на свияжском склоне в конце улицы К. Маркса (бывшей Дворцовой). Кладбище было открыто летом 1874 года, вблизи главных северных ворот городская управа отвела место для погребения католиков и лютеран. Освящённая в мае 1911 года Воскресенская кладбищенская церковь сохранилась до наших дней, но от могил чешских легионеров и их надгробий не осталось никаких следов. Теперь же памятный знак в северной части Воскресенского некрополя будет представлять собой гранитную стелу высотой 3,8 метра и размещённые по бокам мраморные плиты с именами 94 легионеров на чешском, словацком и русском языках.

Чехословацкие воинские формирования появились в Российской империи в самом начале Первой мировой войны. В августе 1914 года в Киеве была создана Чешская дружина в составе четырёх рот, примерно 1 000 человек, из чехов-добровольцев, австрийских подданных, застигнутых войной в России. Полуроты этой дружины были прикомандированы к русским дивизиям в качестве разведчиков, владеющих чешским и немецким языками. Дружина пополнялась новыми пленными чехами и словаками и вскоре была переименована в 1-й Чехословацкий стрелковый полк, развёрнутый весной 1916 года в бригаду.

Тогда же в Париже был создан Чехословацкий национальный совет, призванный возглавить борьбу за независимость Чехии и Словакии. Председателем его стал профессор философии

Пражского университета Т.Г. Масарик. Весной 1917 года пришедшее к власти Временное правительство безоговорочно признало «братское революционное движение чехов против империализма Габсбургов». Начали формироваться новые воинские подразделения. В мае прапорщик 1-го Чехословацкого стрелкового полка имени Яна Гуса К. Горных был командирован в Симбирск, в Симбирский и Карсунский уезды для набора добровольцев среди военнопленных.

«Летом 1917 г. в лагерях вокруг Симбирска находилось около 6 тысяч, а по губернии свыше 28 тысяч военнопленных, — отметит чех Ф. Валхара, бывший военнопленный. — Наиболее обширный лагерь был под Симбирском, у села Красный Яр, где в бараках размещалось более 3 тысяч военнопленных разных национальностей».

2 июня 1917 года в битве под Зборовом на Украине чехословацкие части показали отличные боевые качества. Их атака была такой дружной и стремительной, что противостоящие им австрийцы оставили первую, вторую и третью линии окопов. Изрядно потрепанным чехословацким подразделениям удалось захватить 15 орудий и 3150 пленных, часть которых оказалась земляками и изъявила желание вступить в их ряды. К сентябрю в Чехословацком корпусе уже насчитывалось 30 000 человек, его штаб располагался в Киеве, а командующим был назначен русский генерал В.Н. Шокоров.

В октябре произошёл большевистский переворот, и Масарик, оберегая Чехословацкий корпус от развала, объявил его «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного Главнокомандования

Франции». Ему удалось договориться с представителями Франции, чтобы корпус перешёл на содержание союзников, поэтому его стали называть легионом. После заключения большевиками Брестского мира на Украину хлынули германские войска, и чехословацким полкам с боем пришлось уходить на восток.

После долгих дебатов Совнарком подписал соглашение с уполномоченными корпуса о проезде чехов и словаков через Поволжье на Дальний Восток, откуда они морским путём должны были проследовать во Францию. Большевики поставили условие: личный состав корпуса разоружить и русских офицеров, занимавших в нём командные должности, удалить. Разрешалось лишь оставить по 100 винтовок и одному пулемёту на эшелон «для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров». Всё тяжёлое оружие, боеприпасы и снаряжение были сданы, а среди русских офицеров проведена жёсткая чистка.

Винтовки и пулемёты полки сдавали по мере проезда 63-х эшелонов через Пензу, однако местный Совет, вопреки прежним договорённостям, потребовал сдать оружие полностью. Этим оружием большевики поспешно вооружали немцев и мадьяр, выпущенных из лагерей для военнопленных и принятых в ряды Красной армии в качестве «интернационалистов».

Председатель Симбирского губисполкома М.А. Гимов, получив соответствующие указания из Москвы, специальной телеграммой предупредил Сызранский Совдеп: «По сведениям, через Сызрань идёт продвижение чехословацких эшелонов. Подозреваются в контрреволюционности. Примите решительные меры по разоружению указанных эшелонов, вооружённых в Сибирь не пропускать».

29 мая 1918 года передовые части 1-й дивизии Чехословацкого корпуса, которая накануне разгромила Советы в Пензе, достигли Сызрани: оцепили вокзал Сызрано-Вяземской железной дороги, заняли пристань, кавалерийские казармы и склады с большим количеством вооружения и боеприпасов. Совет вынужден был начать переговоры с чехословацким командованием для мирного улаживания конфликта. В результате переговоров мятежники должны были сдать «всё лишнее, отобранное в Пензе, Кузнецке и Сызрани, оружие своим представителям», которые

передадут его Сызранскому совету. Однако как только в Сызрань прибыл последний эшелон с чехословацкими войсками, они взорвали железнодорожный мост западнее города, чтобы огрadyть себя от нападения красных отрядов и бронепоездов. Спустя двое суток чехи и словаки начали наступление на левый берег Волги, прорвались через Александровский железнодорожный мост и стали продвигаться к Самаре.

3 июня Симбирский губисполком получил от наркома путей сообщения В.И. Невского для «точного исполнения» такую телеграмму: «...Не выполнять никаких просьб или распоряжений чехословаков, а именно: первое — не давать паровозов, второе — в случае насилия устраивать крушения с чехословацкими поездами, третье — не допускать чехословаков ни к телеграфным, ни к телефонным аппаратам для разговора,

Профессор Т.Г. Масарик с чехословацкими легионерами

четвёртое — не подвозить никакого продовольствия чехословакам, пятое — предупреждать, что всякий железнодорожник, который окажет какое-нибудь содействие мятежникам-чехословакам, будет выброшен из среды железнодорожников и предан суду».

На помощь самарским большевикам были направлены вооружённые отряды из Уфы и других городов. Из Симбирска выступил сводный отряд в составе 300 красноармейцев и текстильщиков, следом отправились 150 бойцов пулемётной команды и отряд интернационалистов, сформированный из 300 мадьяр, румын, немцев. Однако 4 июня на станции Липяги сводные красные отряды потерпели сокрушительное поражение, погибло свыше 1500 человек. А 8 июня на рассвете чехословацкие войска под прикрытием бронепоезда заняли вокзал и повели наступление по основным улицам Самары.

Чехословацкие части во главе с поручиком С. Чечеком, спустя несколько дней произведённым в полковники, не собирались задерживаться в Самаре, их

главной задачей было расчистить себе железнодорожный путь на Владивосток. Поэтому Чечек направил основные силы своей группы далее на Уфу, согласившись временно оставить для обороны Самары чешский батальон. Гражданская и военная власть в городе перешла к Комитету членов Учредительного собрания (Комуч).

Перед приходом чехословацких войск в Самару часть штаба Приволжского военного округа была отправлена в Симбирск. Большая группа штабных офицеров добровольно вступила в ряды Народной армии Комуча, среди них был и Генерального штаба подполковник В.О. Каппель. Владимир Оскарович возглавил Самарскую дружину из 350 добровольцев, с которыми отбил у красных Сызрань и Ставрополь на Волге.

К середине лета чехословацкие части из группы полковника Чечека освободили от красных Уфу и 8 июля на станции Миньяр соединились с частями челябинской группы подполковника С.Н. Войцеховского. По согласованию с представителями Антанты был выработан новый план, по которому чехи и словаки должны были повернуть обратно к Волге и образовать там новый Восточный фронт против Германии и её союзников — большевиков. В результате в течение последующих четырёх месяцев части Народной армии во всех сражениях дрались бок о бок с чехословацкими подразделениями.

17 июля Комуч назначил начальника 1-й Чехословацкой дивизии полковника Чечека командующим всеми войсками Народной армии. Когда самарское командование решило организовать наступление на Симбирск, предполагалось ударить одновременно с трёх сторон. Вдоль железной дороги со стороны Бугульмы должны наступать два батальона 1-го Чехословацкого стрелкового полка имени Яна Гуса под командованием капитана Степанова, в то же время отряд подполковника Каппеля должен был двинуться на Симбирск по правому берегу Волги, а вверх по реке, отвлекая на себя основные силы красных, должна была действовать речная флотилия мичмана Ершова, состоящая из наскоро вооружённых трёхдюймовыми орудиями колёсных пароходов и буксиров.

Чехи и словаки блестяще выполнили поставленную задачу, под их натиском красные покинули Мелекесс. «Временное оставление Мелекесса создало угрозу обхода со стороны противника, — оправдывался некий красный

комиссар. — Бронепоезд и войска отступили к Бряндино и Верхней Часовне...».

Возле станции Бряндино произошёл ожесточённый бой, в котором красные потерпели поражение. Один из двух бронепоездов красных был разбит; бронепоезд «Свобода или смерть» получил большие повреждения. Перед волжским мостом бойцы бронепоезда взорвали его и в пешем строю отошли к Симбирску.

В Самару от Капеля полетела телеграмма: «Отряд выступил из Сызрани на Симбирск вечером 17 июля и, пройдя в 4 перехода 140 вёрст, уже вчера в 8 часов вечера завязал бой под Симбирском. К 9 часам вечера была захвачена железная дорога, ещё раньше разрушенная в 30 верстах от Симбирска. Противнику не удалось пройти на Инзу. Со стороны Мелекесса сегодня утром чехи подошли к станции Часовня, предполагается, что они уже вошли в город».

22 июля утром добровольцы Капеля уже двигались по южным улицам города и к полудню овладели Симбирском полностью. Около четырёх часов дня с левой стороны Волги подошли эшелоны с чехами и словаками под командой Степанова. Опоздавшие чехо-словацкие батальоны вместе с речной флотилией успешно исполнили свою задачу — отвлекли внимание красных и дали возможность Капелю совершить молниеносный бросок и занять город.

Начальником Симбирского гарнизона был назначен командир 1-го батальона 1-го Чехословацкого имени Яна Гуса полка поручик Крузу, а комендантом города — прапорщик того же полка Эндт. Последнему предписывалось «немедленно водворить полный порядок в городе и в кратчайший срок собрать всё оружие, находящееся в руках местного населения». Комендатура разместилась на Дворцовой улице (ныне К. Маркса) в доме купца Кирпичникова.

Газета «Возрождение» — орган Комуча в Симбирске — в первом номере сообщила, что «симбиряне, долго терпевшие гнёт большевиков, прошедшие 7 месяцев в тисках произвола и беззакония, переживают грандиозный подъём патриотизма». В опубликованном распоряжении предлагалось «немедленно возобновить свою деятельность» губернскому комиссару, городскому голове, председателю съезда мировых судей, прокурору окружного суда и всем начальникам милиции, «состоящим на указанных должностях

при свержении Временного правительства». Всеми вопросами гражданского управления занимался прибывший из Самары особоуполномоченный Комуча В.В. Подвицкий, военными делами — член главного штаба Народной армии В.И. Лебедев.

В Симбирске налаживалась мирная жизнь, а в соседних уездах не утихали бои. Как отмечали оперативные сводки, в военных действиях активное участие принимали чехи и словаки.

Демонстрацией благодарности и уважения населения к солдатам-освободителям стали похороны погибших под Симбирском. В газете сообщалось, что на 27 июля «назначены похороны воинов Народной армии, павших в бою при вступлении в Симбирск. Вынос в кафедральный собор из губернской земской больницы в 8 часов утра; литургия в 9 часов, после которой отпевание. Погребение на городском новом кладбище. Путь шествия похоронной процессии: по Сызранской, Покровской, Гончаровской, Московской до собора... Комиссия по заведыванию похоронами просит граждан принять участие в проводах павших воинов, а также обращается к учреждениям с просьбой освободить на это время служащих».

Из Троицкого собора по Дворцовой улице похоронная процессия направилась к месту погребения бойцов Народной армии и чехословацких добровольцев. Как были обставлены похороны, теперь мы знаем и благодаря качественной фотографии, выполненной неизвестным мастером летом 1918 года,

опубликованной позднее в одном из иностранных журналов и присланной весной текущего года в департамент по культурному наследию Ульяновской области. Процессия вытянулась на целый квартал, в последний путь своих освободителей пришли проводить сотни симбирян.

В субботнем номере местной газеты на первой полосе появилось новое объявление в чёрной рамке: «Доброволец 9 роты 1-го Чехо-Словацкого стрелкового ЯНА ГУСА полка ИОСИФ КУЧЕРА, будучи смертельно ранен в бою под Тетюшами, скончался от ран.

Похороны состоятся в понедельник 23 июля (5 августа) после литургии, начало которой в 9 ½ час. в церкви Губернской Земской больницы. Погребение на городском (новом) кладбище. Городская комиссия извещает о сем граждан, учреждения, общества и организации и просит их отдать последний долг павшему герою...».

Фотография этих многолюдных похорон, полученная сотрудниками Ульяновского краеведческого музея в 2009 году из Министерства обороны Чехии, тоже свидетельствует об уважении к павшему.

К началу августа власть Комуча распространялась уже на значительную территорию с губернскими городами Самарой, Симбирском, Уфой и десятком уездных городов. Пришло время нанести удар по Казани, а затем продолжить движение на Нижний Новгород, с одной стороны, и на Вятку — с другой, соединившись с союзниками. Для этого, помимо мотивов

Похороны воинов Народной армии и чехословацких добровольцев, убитых при взятии Симбирска 22 июля 1918 года

чисто стратегического значения были и другие причины: в Казани находилось всё золото российского государства, там же находилось колоссальное количество всякого интендантского и артиллерийского снаряжения и вооружения. Военную операцию планировалось осуществить силами сводного отряда, состоявшего из частей Народной армии под командованием В.О. Каппеля и чехословацких батальонов, которыми командовал поручик И.В. Шве́ц. Тяжёлые орудия установили на баржах, чтобы использовать их в качестве плавучих батарей. Пехота вышла из Симбирска на шести вооружённых пароходах, а кавалерия — по старому Казанскому тракту.

С целью отвлечь белых от Казани перед 1-й армией красных поставили задачу: «Решительно атаковать Симбирск». Бои сразу же приняли встречный характер, так как белые стремились расширить свой плацдарм западнее Симбирска. Две роты чехов и словаков с двумя орудиями выбили красную заставу у станции Выры. Когда в бой за станцию вступили свежие подразделения красных во главе с комдивом Г.Д. Гаём, противнику пришлось отойти. С таким же успехом закончились схватки у села Ртищево-Каменка и возле станции Охотничья. Но бои в деревнях Юшанка и Кадыковка принесли победу белым, так что поставленная красным командованием задача оказалась командарму М.Н. Тухачевскому не по силам.

К тому времени Казань была взята, о чём Каппель телеграфировал в Самару: «После двухдневного боя 7-го августа частями Самарского отряда Народной армии и чехословаками совместно с нашей боевой флотилией Казань взята. Трофеи не поддаются подсчёту, захвачен золотой запас России 650 миллионов. Потери моего отряда — 25 человек, войска вели себя прекрасно».

Между тем боевые столкновения вокруг Симбирска продолжались. «На рассвете сегодняшнего дня части Народной Армии лихо атаковали красных севернее Тетюшской слободы Симбирского уезда, — сообщал штаб войск Симбирского района за 8 августа. — В сегодняшнем бою пали смертью храбрых один чешский прапорщик, три офицера Народной Армии и 4 солдата. Фамилии погибших выясняются. Следует отметить, что красные были поголовно пьяны». И вновь по Дворцовой улице двигалась многолюдная

похоронная процессия с катафалками, везущими тела погибших к месту их упокоения на городском кладбище.

14 августа в Симбирске был образован «Особый Авиационный отряд 1-й Чешско-Словацкой Гуситской стрелковой дивизии», который возглавил подпоручик Мельч. Аэродром оборудовали близ железнодорожной станции Киндяковка, где базировались несколько аэропланов «Вуазен» и «Ньюпорт». Лётчики принимали самое активное участие в ожесточённых боях, которые велись в окрестностях города пять дней. Когда Каппель со своими проверенными бойцами на пароходах примчался из Казани, то удалось, не без труда, обходным маневром прогнать красных от города.

«...Поздравляю с победой доблестные войска Народной Армии симбирского фронта и геройские части наших братьев чехословаков, самоотверженно и мужественно борющихся с нами для достижения общей цели, — писал 19 августа командующий войсками Симбирского фронта Каппель. — Горжусь, что стою во главе войск, каждый шаг которых ведёт к новому торжеству правого дела!»

24 августа Владимир Оскарович был произведён в полковники. Однако упомянутый успех оказался временным, хотя и дался немалой кровью. Сообщения о гибели «смертью храбрых» в траурной рамке не сходили с первых полос ежедневной газеты «Возрождение».

1-я армия красных под командованием Тухачевского спешно комплектовала командный и рядовой состав за счёт дополнительной мобилизации, с помощью репрессивных мер, вплоть до расстрела, укрепляла дисциплину в своих рядах. Из бывших военнопленных германской и австро-венгерской армий был сформирован Интернациональный полк, включённый в состав Симбирской дивизии. Командиром полка назначен чешский коммунист С.А. Частек.

К тому времени красные войска имели почти трёхкратный перевес в живой силе, части Народной армии и Чехословацкого корпуса оказались в тяжёлом положении из-за больших потерь и крайней утомлённости бойцов. В ночь на 11 сентября была сдана Казань, а 12 сентября пришлось оставить Симбирск. Бригада Каппеля подошла к Симбирску по левому берегу Волги, когда город уже эвакуировался. Соединившись с отошедшими из Симбирска белыми частями, полковник Каппель повёл упорное контрнаступление с целью во что бы то ни стало вернуть

город. Завязались упорные бои за мост, в которых участвовал сводный отряд из подразделений 1-го и 9-го Чехословацких полков под командованием капитана Кутлевариса.

«Белые усиливали свой натиск, — вспоминал один из участников тех боёв. — Атаки через железнодорожный мост следовали одна за другой, несмотря на то, что они оставляли массу трупов на мосту».

После прихода красных в Симбирске появился Ярослав Гашек, автор юмористической эпопеи «Похождения бравого солдата Швейка». Сначала этого легкомысленного чеха арестовали по подозрению в шпионаже. После прихода красноармейцев из Самары, где он занимался революционной работой под видом «слабоумного от рождения сына немецкого колониста из Туркестана», его освободили. Потом, после взятия Бугульмы, политотдел 5-й армии послал чешского писателя как организатора на помощь коменданту города.

Войска 1-й и 5-й армий красных во взаимодействии с Волжской военной флотилией попытались окружить группировку Каппеля, высадив крупные десанты в сёлах Старая Майна и Крестово-Городище. Немногим удалось вырваться из окружения, потеряв бронепоезд, артиллерию и обозы, но взорвав последний пролёт моста на левом берегу. Каппель отводил остатки войск по Волго-Бугульминской железной дороге через станции Мелекес — Нурлат — Бугульма.

На помощь со стороны Самары надежды не было. 19 сентября в город прибыл главнокомандующий всеми вооружёнными силами, действующими против большевистских войск, командир Чехословацкого корпуса генерал-майор Ян Сыровой. Однако 3 октября была оставлена Сызрань, а спустя четыре дня — Самара. Представители власти и обыватели, опасавшиеся большевиков, эвакуировались в Уфу.

Понесённое на Волге поражение нарушило сложившийся союз белых и легионеров. Боевой дух чехов и словаков заметно упал, они всё настойчивее требовали вывести их из России. Когда произошло объединение Симбирской и Народной армий, а борьбу с большевиками возглавил адмирал А.В. Колчак, чехословацким войскам поручили охрану Транссибирской железнодорожной магистрали. К каким трагическим последствиям это привело, уже отдельный разговор.

Юрий Козлов